

По утрам в выходные дни Му Сяоке просыпался очень рано, чтобы доделать заказы, которые еще не были выполнены. Он налил себе стакан молока и выпил его вместо завтрака.

В гостиной стоит его верстак, аккуратно уставленный различными ящиками с инструментами, в котором его мать оставила различные заметки и материалы.

Подруга Ло Цзямина решила купить себе заколку для волос. Говорят, что на праздник в следующие выходные она планирует надеть Ханфу, но ей не хватает аксессуаров на голове.

Му Сяоке не слишком искусен в изготовлении заколок для волос, и он не удовлетворен тем, что сделал всего несколько пробных штук. Глядя на фотографии Ханфу, присланные девушкой, можно сказать, что это красно-черное платье эпохи Мин очень элегантное и достойное, а новые материалы, которые он купил, вряд ли могут подойти к этому цвету одежды.

После долгих раздумий он открыл коробку с материалами, оставленную его матерью. Эта шкатулка была похожа на шкатулку с сокровищами, когда он был ребенком, но теперь ее можно рассматривать только как маленькую художественную витрину.

Шпильки для волос, сделанные в эпоху Мин, были аккуратно уложены в ряд, и он поместил их под лампу, чтобы рассмотреть их поближе. Среди них наиболее яркой является пара старинных золотых заколок в виде феникса. Золотые фениксы на заколках для волос трепещут, будто бы готовые взлететь. Форма хвостовых перьев очень похожа друг на друга, но немного отличается дополнительными искусными деталями, эти заколки как будто мерцают. Здесь нет никаких четких правил изготовления, а сами линии действительно плавные и достойные.

Эта пара золотых заколок для волос была сделана его матерью. Он все еще помнил, что его мать почти месяц не выходила из студии, чтобы сделать идеальную модель Цзиньфэна.

Он на мгновение задумался и затем начал делать свою собственную заколку для волос.

Через неизвестный промежуток времени его мобильный телефон внезапно зазвонил, его руки задрожали от шока, кончик термоплавкого пистолета попал на кончики пальцев, и боль от ожога заставила его задержать дыхание.

Но телефон все еще настойчиво звонил, так что ему оставалось только положить свои инструменты, чтобы ответить на звонок.

Включился видеовызов, это был его брат Му Кай.

"Я отправил тебе более дюжины сообщений, почему ты не отвечаешь на них? Где ты? Дома?? Я ищу тебя".

Му Сяоке положил телефон на держатель и начал говорить на языке жестов: "Я был занят,

не заметил". Однако на лице Му Сяоке не было особого извиняющегося выражения, и это было видно Му Каю.

Му Сяоке не скрывал своего холодного лица: "Что-то еще нужно? Я занят."

"Погоди, Му Сяоке!"

"Что ты делаешь? Ты так равнодушно относишься ко мне уже с летних каникул. Это из-за Фу Цзяюня?"

Му Сяоке решительно покачал головой: "Ты неправильно понял, это не имеет никакого отношения к другим".

"Тогда это как-то связано со мной, потому что в тот день Фу Цзяюнь и Рон Яньчжэ оба дали мне пирожные, но ты же знаешь, мне все равно на них, но мне не все равно на тебя, ты мой брат, мы - братья, мы не должны прекращать общение из-за посторонних, брат..."

Сожаления Му Кая были бесконечными, со стороны Му Сяоке, они выглядели максимально бредово, какие пирожные, какие посторонние, какие братья, что он несет? Решил снова строить из себя самого доброго брата на планете? Возвращаясь к тому дню, когда он переродился, разве это не Му Кай сказал, что он променял свою семью на пирожные и даже сбежал из дома?

"Меня не волнуют ни они, ни пирожные. Брат, ты неправильно меня понял. Я просто хочу быть один. Мне не нравится вся эта бурная жизнь."

"О чем ты говоришь, как тебе могло не понравиться? Однажды ты чуть не потерялся, когда последовал за нами, чтобы всего лишь посмотреть фейерверк в толпе людей. Я тогда искал тебя всю ночь, ты забыл об этом?"

Му Сяоке очень хотелось закатить глаза. Он действительно хотел сказать, что забыл об этих вещах, потому что его разум был затуманен из-за издевательств. Единственное, что он может вспомнить - это то, как его пытали. Его память состоит из боли.

И вот оказывается, что Му Кай все еще заботится о нем...

Но он не хотел вспоминать хорошее, не хотел быть ослеплен заботой и не хотел снова бросаться в ту огненную яму. Му Сяоке на мгновение задумался и указал на Му Кая: "Я ненавижу".

Му Кай не мог поверить своим глазам и даже задался вопросом, не забыл ли он значение языка жестов за последние два года. Му Сяоке ненавидел все это, ненавидел его, ненавидел Рон Яньчжэ и Фу Цзяюня?!

"Что за чушь ты несешь, ты что, забыл, кто защищал тебя перед старшеклассниками?"

"Цзя Юнь не хотел бы видеть, как ты это говоришь, Сяо Ке, что с тобой не так?"

"Я не знаю". Му Сяоке холодно сказал: "Я просто хочу усердно учиться и найти работу, чтобы прокормить себя в будущем".

"Что за работа?" Му Кай сердито пожаловался. "Разве я не могу поддерживать тебя? А твоему отцу разве не будет важно то, как ты живешь?"

Да, вы правда заботились о моей жизни. Настолько заботились, что ни разу не навещали. Настолько, что даже не интересовались в порядке ли я. Настолько, что оставили меня умирать одного в лесу.

"Папа растил меня столько лет, я очень благодарен".

Му Сяоке опустил голову и на этой фразе повесил трубку.

Когда Му Кай увидел, как экран телефона потемнел, он почувствовал себя максимально неловко, особенно когда вспомнил, что Фу Цзяюнь все это время был рядом с ним.

Му Кай увидел, как лицо Фу Цзяюня потемнело, и это было выражение, которого он никогда не видел на его лице.

"Сяо Ке... сказал, что ненавидит меня?"

Му Кай помолчал, но затем наконец ответил: "Он... он ребенок с вспыльчивым характером. Ты ему нравишься с детства. Разве не помнишь? Он преследовал тебя и сказал, что хочет учиться в той же школе."

Фу Цзяюнь сжал кулаки: "Разве он не должен винить меня за то, что я оскорбил его раньше, я... Я тогда не это имел в виду, он не должен злиться".

"Я пойду и найду его".

Му Кай быстро схватил его: "Не уходи, он все еще может быть зол, пусть пока побудет один... мы найдем его на следующей неделе. Он не сможет возненавидеть нас за одну ночь."